

духъ реформъ доходитъ до того, что и маленькія государства и вольные города составляютъ для себя уголовные кодексы, и что нѣкоторыя уложенія, какъ напр. саксонское, вопреки требованіямъ законодательной науки и искусства, подвергаются слишкомъ частымъ пересмотрамъ. Превосходя этой стороной романскія уложенія, нѣмецкіе кодексы далеко не стоятъ наравнѣ съ ними въ формальномъ отношеніи. Они страдаютъ многими недостатками, чуждыми романскимъ законодательствамъ, а именно: тяжелостію, неясностію и казуистичностію редакціи, отсутствіемъ практическаго такта, утонченностію и отвлеченностію нѣкоторыхъ началъ, преобладаніемъ научнаго элемента до того, что иногда законодатель принимаетъ на себя роль преподавателя, стараясь рѣшать самые трудные и отвлеченные вопросы, каковы, напр., о продолжаемыхъ преступленіяхъ, о границѣ между злымъ умысломъ и неосторожностію. Такимъ образомъ, ученые нѣмецкіе педанты, чуждаясь жизненныхъ условій законодательства, не успѣвъ въ нескончаемыхъ спорахъ одержать побѣду *auctoritate rationis*, стараются обезпечить ее за собою *ratione auctoritatis* въ составляемыхъ ими уложеніяхъ.

Сравнительное изученіе законодательствъ доставило возможность подняться на возвышенный уровень безпристрастнаго философскаго созерцанія. Благодаря ему усмотрѣна односторонность романскаго и германскаго направленія. Государственнымъ мужамъ и юрисконсультамъ Пруссіи,—между которыми довольно указать на знаменитаго романиста и министра юстиціи Савианьи,—принадлежитъ честь идеи взаимно восполнить лучшія качества того и другаго направленія, при устраненіи ихъ недостатковъ. Послѣ долгихъ колебаній и почти двадцатилѣтнихъ приготовительныхъ трудовъ, въ 1851 году появилось *прусское уголовное уложеніе*, въ которомъ германскій геній оживотворился дуновеніемъ романскаго, въ которомъ германская идея отлилась